

Живет в Баку (Азербайджан).

* * *

В том городе, запутавшемся в осени,
В том городе,
чьи в благородной проседи
Виски, чьи стены – в благородной копоти,
Чьи медные века в кубышке копят
У девочки, у Вечности, чьи улицы
Вонзаются в созвездья, чьи целуются
На каждом на шагу дома балконами,
Чьи так смуглы и пешие, и конные,

Чьи монументы, зябнувшие, гордые,
Стоят, закинув мраморные головы
К иным мирам, презревши расстояния,
Чьи площади, как скатерти уставлены
Обильно, в шесть рядов,
людскую всячиной...
И море в бухте мечется горячечно,
Швыряя брызги жителям за ворота
И безраздельно властвуя над городом,
Что выброшен на берег чудо-рыбою,
И южный ветер, как дыханье хриплое,
Ему бока вздувает почернелые.
И город все плывет, плывет во времени,
Отталкиваясь плавниками каменными
От глинистой земли.
Три вечных пламени,
Как бабочки к гербам его пришпилены.
И звезды задевают крыши киями
И смотрят вниз –
на город, чьи целуются,
Столкнувшись на бегу подружки-улицы,
А монументы вздергивают головы,
Разглядывая НЛО над городом.
И ночь звучит впотьмах восточной темой,
И шелковым платком сползает к темени
Светлеющего неба...
Пахнет вечностью
Над городом, чьи жители беспечные,
Забыв о скоротечности и бренности
Своей, проходят улицами древними,
Чьи тротуары шатки, словно палубы
И чья листва по ветру бьется парусом,
А вывески – мистическими знаками...
И много, много происходит всякого
В том городе, чье имя мной утеряно.
Плывет закат над башнями и термами...

И Время сушит весла в майском скверике,
Чтоб жителям в бессмертье легче верилось.

Портрет

...И, кривоногий,
с голой медной грудью,
Мясник каким-то пыточным орудием
Разваливает тушу пополам.

(Поют незримые колокола
По убиенной рыженькой корове.)
Веселый от жарыи и от крови,
Мясник смеется, золотом зубов
Бесчисленные солнца отражая.
Божественно деля и умножая,
По-божески обвешивая, он
Заметить успевает с интересом,
Как кошка тянет пыльные обрезки,
Как вздрагивает меченый баран,
Предчувствуя, что – вот,
уже – пора...

Мясник, как мальчика, похвалит бога
За бойкий торг, за ровную дорогу...
Как музыку, невнятную невеждам,
Он слушает машинные гудки.
В его глазах – безудержная нежность
Ко всем собравшимся на шашлыки.

Повесть о неизвестном поэте

...Две женщины его любили.
Вернее, обе говорили,
Что любят.
Две, а не одна.
Одна была – почти жена,
Другая – тоже...
В общем, сложно
Все было у него. В сезон
Висело равно в двух прихожих
Его продрогшее пальто.
Натужно весел или зол,
Он заявлялся – все бывало.
Откидывались одеяла
В двух одинаковых постелях...
В двух кухнях чайники сипели,
Спеша вскипеть ему в угоду.
Все было как в семье –
почти...
Две женщины у двух комодов
Кусали горько кулачки.
Друг друга отроду не видя,
Они прожили не-на-ви-дя
Друг друга, яростно борясь
За право называть своим

Шишкастый лоб, очки и брюшко,
И ножки в полосатых брючках
Короткие...
Со всех сторон
Упреками снедаем, он,
Узлов распутать не умея,
Имел детей от них обеих,
Был груб с обеими.
Зато
Был мятно-приторен с другими,
Чужими женщинами – им
Он лапки целовал, гоним,
Как лист, ветрами вдохновенья,
Стихами заливался...
Но
Миг наступал и как одна
Все эти женщины, вспорхнув,
С другими улетали в ночь
Неоновую – к югу, прочь
От осени его... Ноябрь
Стучал в окно его берлоги.
И все раскисшие дороги
Вели опять же – к этим двум
Домам,
где в двух стандартных спальнях
Ковры ветшали на стене.
Один – с русалкой при луне,
Другой – с тигрицей печальной.
Как часто он смотрел на них,
Закинув лоб в часы бессонниц.
На два хрустальные вазона,
На стул с разбросанной одеждой,
Порою забывая, где он,
Как имя женщины с ним рядом,
От сна парной...
И думал, что
Всё, всё идет не так как надо
В его судьбе...
Не признают.
Не воздают. Опять же – быт.
Безденежье. Эрзац любви.
Две крыши протекали разом,
Рос рохлей сын, дерзила дочь...
И проч., и проч.

...А между тем,

Под утро в смутной полутьме
Войдя, в ногах садилась Муза
И сразу становилось узкой
Ему поношенная плоть
И в нем ворочались стихи
Сродни пластам палеолита.
Хвощи ползли в кромешной тьме,
И сыпались метеориты
В подол молоденькой земле.
Брели метафор динозавры
И заливался в люльке Дарвин.
По зернышку, из ничего
Слагались вавилоны, римы,
Качались всадники в седле,
Вскипали джазовые ритмы,
Летали дамы на метле...

И дирижируя всем этим
Прекрасным хаосом,
он был
Великолепен: юн и светел,
Влюблен навеки и любим
Одною – Ею...
Но всходило
За шторой тусклое светило
И проступали на стене
Фрагменты тигра иль русалки.
И – ни Лаур, ни динозавров.
А оставалось от всего:
Листок, исписанный коряво
И недовольство рифмой дряблой,
Промышленный ландшафт в окне.
О чем-то горько вспоминая,
Ни старая, ни молодая,
Вздыхала женщина во сне.

И, словно пожилой ребенок,
Он плакал в этой полутьме...

И мир подобен был пустыне,
Где ныне, присно и вовек
Был серым – камень,
небо – синим
И одиноким – человек.